

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Рассматривается проблема генезиса и становления взаимодействия русской религиозной культуры и школьного образования в истории Руси/России. Сделана попытка эксплицировать основные этапы и основные особенности религиозной традиции в образовании, сложившиеся в Средневековой Руси.

Ключевые слова:

братская школа, монастырь, Московское государство, православие, религиозная культура, школьное образование

Проблематика взаимоотношений религиозной культуры и образования сложна и амбивалентна. Сегодня она особенно актуальна по причине, с одной стороны, возрастающего религиозного влияния в социуме (особенно – в российском), а с другой – трансформациями феноменов культуры в условиях постмодернизма. В этой связи небезынтересна констатация, согласно которой соотношение культуры и религии «традиционно признается и обсуждается в плане сущности, значения, эволюционных изменений, динамики, взаимосвязи этих двух явлений и сфер общественной жизни» [1, с. 158]. Различные оценки религии обусловлены неоднозначностью ее понимания в существующих концепциях культуры. Так, в религиозной концепции (А.С. Хомяков, П.А. Флоренский, Н.П. Милюков, Б. Тайлор и др.) религия понимается как основа культуры; атеистическая концепция (П. Гольбах, К. Гельвеций, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин) полагала, что религия несовместима с культурой, поскольку является тормозом общественного и культурного развития. Культурологическая концепция (Д.С. Лихачев; Ш. Амонашвили, А.Е. Кулаков и др.) рассматривает религию и культуру в их непрерывном взаимодействии и взаимообогащении. Культурологическая точка зрения, в частности, выражена Д.С. Лихачевым в «Письмах о добром и прекрасном». «Культура, – пишет он, – рождалась в недрах религии и была тысячелетиями с нею связана. Культура никогда не устаревает и всегда современна, как современна и та культура, которая жила и живет в религии» [7, с. 58].

Сегодня в культурных кругах российского общества дебатировалась необходимость изучения религиозной культуры в

общеобразовательной школе, равно как и технологии знакомства (по сути первичного для подавляющего большинства школьников) с основами религиозной культуры. Мнения участников дискуссии можно соотнести с вышеупомянутыми концепциями культуры с небольшой поправкой в третьем случае. Так, Л.А. Харисова предлагает выделить атеистический, религиозный и гражданский подходы к проблеме изучения основ религиозной культуры в школе. Первый из них заключается в утверждении несовместимости образования и религиозной культуры. Второй утверждает, что образование и воспитание должны быть религиозными. Третий подход рассматривает религиозные феномены как часть общей культуры и источник духовного нравственного развития личности [10, с. 68–69].

По нашему мнению, последний подход предпочтителен. Без знания русской православной культуры как хранительницы всечеловеческих и национальных ценностей невозможно воспитать гражданина России: всечеловеческое определяет гражданскую позицию личности в полиэтничных и мультинациональных условиях страны, а национальное – правильную самоидентификацию в этом калейдоскопе ценностей. Русская культура – утверждает русская философия конца XIX – начала XX вв., – «прежде всего православная, без веры, без сердца, без созерцания, без совести являет собой бессилие и переживает свое крушение» [10, с. 13].

Согласно мнению, высказанному в авторитетной культурологической энциклопедии, образование – это «одно из наиболее значимых средств социального воспроизводства сообщества и повышения потенциала его адаптивных возмож-

44 | ностей и перспектив социокультурного развития» [9, с. 104]. В этой связи обсуждалась целесообразность включения в школьные программы учебной дисциплины «Православная культура», учитывая ее незаурядный информационный и воспитательный потенциал, способствующий социализации и аккультурации личности. Примерное содержание этой дисциплины было разработано Министерством образования Российской Федерации в октябре 2002 г. [8] С апреля 2010 г. в учебные планы 4–5 классов в девятнадцати субъектах Российской Федерации вводится новый предмет «Основы религиозных культур и светской этики», который представлен шестью предлагаемыми на выбор модулями: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудаистской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики.

В этой связи можно утверждать о возобновлении традиционной линии развития образования в дореволюционной (до Октябрьской революции 1917 г.) России и о новом этапе взаимодействия образования и религиозной культуры. Такая традиция начинается еще с принятия Русью христианства в 988 г., вскоре после чего устанавливается тесная связь школьного образования с деятельностью Русской Православной Церкви.

Первые русские школы открывались при храмах и монастырях по византийским образцам, а учителями в них греческие (византийские) монахи, поскольку национального духовенства, тем более, способного учить в школе, на Руси еще не было. Однако властные круги понимали необходимость создания национального клира, что послужило причиной учреждения князем Владимиром (Крестителем) в X в. школы для подготовки священнослужителей. Это начинание продолжил Ярослав Мудрый, который открыл школу для детей священнослужителей в Новгороде в 1030 г. [4, с. 510]. Некоторые монастыри (например, Киево-Печерский) стали своего рода духовными училищами, где насельники их получали не только религиозные, но и светские знания, изложенные в книгах того времени: «Шестодневе» Василия Великого и Иоанна Экзарха, «Слове» Григория Богослова, «Диалектике» Иоанна Дамаскина и др. [3, с. 24–39]. При монастырях были хорошие библиотеки, монахи вели летописание.

Среди учебных предметов предпочтение отдавалось изучению и чтению Псалтири, письму и церковному пению, т.е. религиозное содержание обучения в древнерусских школах доминировало над светскими элементами (например, над обучением письму и чтению), что было характерно для всех средневековых школ. Приведем отрывок из наставления преп. о. Михаила учителям: «[Необходимо – Т.М.] учить детей книжному разуму, воспитывать же в духе заповедей Божьих, в благонравии, правде и любви, не яростью, не гневом, не жестокостью, а снисходительно и кротко» [2, с. 121].

Говоря о школьном образовании в Средневековой Руси, необходимо отметить существование двух полярных точек зрения по этому вопросу. Первая из них отрицает не только наличие на Руси в ту эпоху школ, но и вообще какой бы то ни было творческой мысли (например, Г.Г. Шпет: «невегласие» как полное интеллектуальное безголосие) [11 с. 20–54]. Вторая точка зрения признает существование в Средневековой Руси школьного образования и взаимосвязанной с ним мыслительной деятельности, в частности, философской рефлексии (А.В. Карташев, Х. Лопарев и др.). А.В. Карташев писал: «Если... про- ставить рядом такие выдающиеся литературные произведения как «Слово» Иллариона, «Слово о полку Игореве», «Слова» Кирилла Туровского, подобным которым не было во всей московской литературе, то у нас была не одна грамотность, а и настоящая образованность, правда, не расцветавшая, а постепенно угасавшая» [5, с. 262]. Широкое распространение грамотности в городах Средневековой Руси (причем не только среди имущих слоев населения, а и среди простолюдинов – детей и взрослых, лиц женского и мужского пола) в настоящее время является неоспоримым историческим фактом благодаря берестяным грамотам, в изобилии найденным во время археологических раскопок. Эти грамоты – косвенное доказательство существования школ: ведь не могло же множество людей научиться чтению и письму «сами собой». Даже если предположить, что грамоте могли обучаться «частным способом», то такое предположение будет некорректным: слишком большое количество учителей должно было потребоваться для таких занятий, а учителя-то как раз и не были в избытке.

Так обстояло дело в домонгольской Руси. Монголо-татарское нашествие и пос-

ледующие века ига настолько пагубно повлияли на образовательную культуру Средневековой Руси, что вплоть до XVI в. мы не встречаем в источниках упоминаний об образовательной деятельности. Обстановка изменилась к лучшему, когда в 1551 г. Стоглавый собор принял решение о заведении училищ, и во исполнение его по велению царя Ивана IV (Грозного) в 1560 г. была учреждена типография, а при ней – религиозная школа «по латинскому образцу», которая просуществовала достаточно короткое время [6, с. 107]. В этой связи возникает закономерный вопрос: что значит школа «по латинскому образцу»? Не означает ли это уступки Грозного постоянному давлению «латинской прелести» католического Рима? По нашему мнению, «латинский образец», прежде всего, можно понимать как заимствование опыта организации таких школ при типографиях Западной Европы, т.е. форма обучения была заимствована, а религиозное содержание было православным. В истории Западной Европы XVI в. были сильны ренессансные веяния, и они не могли не повлиять на культуру Московской Руси. Недаром среди древнерусских книжников того периода столь популярными стали слова апостола Павла о том, что истинная вера христианина должна находиться «в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, а от Бога» [Рим 2:29].

Правильность нашего мнения подтверждается историческими фактами. В XVI в., в условиях жесткой конфессиональной полемики, в Южной Руси при православных храмах были организованы «братские» школы по образцу иезуитских коллегиумов, где готовили защитников

православия. Первую такую школу открыл в 1580 г. в Остроге ревнитель православия князь Константин Острожский [5, с. 600]. Таким образом, религиозная культура православия как основа школьного образования в Средневековой Руси была восстановлена в XVI в. в Московском государстве – в культурно-образовательной деятельности Ивана Грозного, а в Южной Руси – в образовательной практике братских школ.

С 1589 г. в истории культурных связей православия и сферы школьного образования пошел иной, совершенно особенный отсчет, когда в Киеве братством при Богоявленской церкви было учреждено училище, которое в 1631 г. было реорганизовано в Киево-Могилянскую академию – первое высшее учебное заведение на Руси, где в преподавании доминировала схоластическая философия, но она служила обоснованию и доказательству высоких истин православия. Эта креативная трансформация на средневековой почве философского наследия античности (аристотелизм) через западный философский транслятор создала тот особый сплав мыслительной культуры позднего русского средневековья, который позволил употреблять парадоксальное сочетание «славяно-греко-латинская» в наименовании академии уже в условиях Российской империи. Такой духовный сплав западноевропейского рационализма с древнерусским книжным «любомудрием», субстанцированный православной догматикой, мы и можем условно назвать русской религиозной духовной культурой, надолго укоренившейся в школьном образовании Руси/ России.

Список литературы:

1. Балагушкин Е.А. Религия и культура / Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 158–160.
2. Васильева З.И., Седова Н.В. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России: учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 399 с.
3. Егоркин В.Г. Наследие античной философии в восточнославянской духовности Средневековья (XI – первая треть XVII вв.): Монография. – Бийск: НИЦ НБиГПИ, 1995. – 127 с.
4. История СССР с древнейших времён до наших дней. Серия первая. Т. I. – М.: Изд-во «Наука», 1966. – 720 с.
5. Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. – М.: ГЕРРА, 1992. – 686 с.
6. Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. – М.: ГЕРРА, 1992. – 569 с.
7. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Детская литература, 1998. – 237 с.
8. Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура». Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.atheism.ru/archive/text/748.phtml>.
9. Флиер А.Я. Образование // Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 104–105.
10. Харисова Л.А. Религиозная культура в содержании образования. – М.: Просвещение, 2002. – 336 с.
11. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 11–341.